

**ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ И СОВРЕМЕННЫЕ
ПРАКТИКИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Н. Ю. Коленкова

УДК 159.99

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРЕДИКТОРЫ ПРИНЯТИЯ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА**

На протяжении жизни человек осуществляет множество выборов в разных сферах. Как правило, рассматривая вопрос выбора, исследователи говорят о его проблеме (например, «проблема выбора профессии», «проблема выбора спутника жизни», «проблема выбора института» и т. п.). Очевидно, что само явление проблематики совершаемых человеком выборов существует, так как в процессе выбора человек оказывается перед дилеммой: моральной, социальной, когнитивной и др. В свою очередь, данного рода дилемма становится результатом столкновения человека с ситуацией неопределенности и того, как он к неопределенности относится: понимает, принимает, отвергает, избегает, преобразует. Проникновение высокотехнологичных процессов во многие сферы современной жизни упрощает существование человека и вместе с тем создает условия, расширяющие содержание индивидуального выбора, чем вызывает необходимость управления, противостояния, принятия или отторжения неопределенности. По данной причине проблематика неопределенности активно изучается экономикой, философией, психологией, медициной, физиологией и другими науками.

Цель настоящей статьи – провести анализ результатов психологического изучения эмоциональной стороны принятия неопределенности, выявить предпочтительные направления дальнейших изысканий. Авторы данной работы полагают, что принятие неопределенности связано с эмоциональными регу-

ляторами личности, в частности, с эмоциональной направленностью личности (ЭНЛ) в виде потребности человека в определенных переживаниях своих отношений к действительности.

Принятие решений в условиях неопределенности является одним из аспектов изучения когнитивных и личностных особенностей человека в процессе выбора. Проблематика принятия самой неопределенности чаще всего рассматривается в контексте личностных регуляторов принятия решений. Российские исследования Т. В. Корниловой, С. Д. Смирнова, И. А. Чигриновой, М. А. Новиковой, Н. А. Чумаковой, С. А. Корнилова, Е. В. Краснова объясняют принятие неопределенности как личностный регулятор, обнаруживающий себя в готовности к риску, креативности, связанный с самооценкой интеллекта, самоэффективностью, познавательными стратегиями субъекта и другими психологическими феноменами интеллектуально-личностного потенциала, проявляющийся как опосредствующий фактор влияния уровня нравственного самосознания на эмоциональный интеллект, как связующее поле взаимодействия интеллектуальных и личностных предпосылок регуляции выбора. В зарубежной психологии проблематика неопределенности раскрывается в категориях осведомленности человека, принимающего решения, недостаточности/избыточности знания (С. Лонгфорд), внутренней потребности следить за опасностью (Д. Сигел), субъективной неопределенности или неуверенности (Д. Канеман), неизвестных рисков (Г. Гигеренцер), неизвестности распределения исходов (Ф. Найт), непредсказуемости и «хрупкости/антихрупкости» (Н. Талеб) и др.

Не ставя перед нашим исследованием задачу детального исторического очерка о становлении понятия принятия неопределенности, обратимся к ключевым подходам в объяснении данного психологического феномена. Следует отметить, что конструкт принятия неопределенности в психологической науке активно рассматривается в контексте разных явлений: толерантности к двусмы-

сленности (tolerance towards ambiguity), толерантности к неопределенности (tolerance of uncertainty). При этом именно толерантность к неопределенности является более широким, так как в отличие от толерантности к двусмысленности не имеет двухвариантности или конкретности выходов и оставляет некий неизвестный вариант, а также ориентацию восприятия в будущее. Однако именно с понятием толерантности к двусмысленности (tolerance towards ambiguity) и не противоположным, но тем не менее противопоставляемым ему – интолерантности к неопределенности (intolerance of ambiguity) – мы впервые встречаемся в работах Э. Френкель-Брунsvик, которая характеризует их как качества, принадлежащие когнитивной сфере, и при этом оказывающие существенное влияние на аффективную сторону личности. В целом, по мнению Э. Френкель-Брунsvик, толерантность к неоднозначности проявляется в целой совокупности личностных установок и поведенческих реакций, с помощью которых можно предсказать особенности поведения личности в неоднозначных ситуациях: быстрый и адекватный выбор в новой ситуации и закрытость для знакомых стимулов, способность придерживаться выбранного направления в неопределенной ситуации, сопротивление флуктуирующим стимулам, отрицание эмоциональной амбивалентности и интолерантность к когнитивной неопределенности [12; 13]. Здесь следует акцентировать внимание на том, что исследования Э. Френкель-Брунsvик проводились на конкретном авторитарном типе личности и были связаны с анализом особенностей эмоциональных и когнитивных реакций именно данного личностного типа.

Конструкт «толерантность к неопределенности», используемый в современной психологии, значительно расширился по сравнению с исследованиями Э. Френкель-Брунsvик и стал сводиться к описанию более общей реакции на неопределенность бытия у личности *любого* типа. Подобное расширение связано с именем С. Баднера и анализом данного феномена с точки зрения диспозицио-

нального подхода. С. Баднер рассматривает толерантность и интолерантность к неопределенности как полярные качества амбивалентной способности человека воспринимать неопределенные ситуации. При этом толерантность расценивается как личностная черта, проявляющаяся как «тенденция воспринимать неопределенные ситуации как желательные», а интолерантность – как «тенденция воспринимать их как источник угрозы» [9].

Другие направления исследований толерантности к неопределенности не столь критичны в противопоставлении толерантности и интолерантности, а рассматривают их как меру переживания человеком чувства угрозы, вызванного ситуациями неуверенности и неопределенности (кросс-культурные исследования Г. Хофстеде [14]). Толерантность к неопределенности, по мнению Г. Хофстеде, является одним из измерений культуры, которое показывает, насколько сильно представители той или иной культуры предпринимают попытки избежать влияние необъяснимых, неясных, неструктурированных воздействий, что, в свою очередь, создает комфорт или дискомфорт от данного рода влияний.

С феноменом ожиданий связаны интерпретация и исследование толерантности к неопределенности представителей дискурсивного подхода, где анализируемый нами конструкт фактически можно соотнести с уверенностью в будущем, чувством защищенности и безопасности, от степени которых зависят свобода или ограничения действий и поступков людей в повседневной жизни. Ожидания негативного воздействия неопределенности создают ситуацию «ложной ясности», что происходит при исключении из поля сознания информации, которая не соответствует ожиданиям человека. В итоге «ложной ясности» человек создает неполную картину внутреннего и внешнего мира, формирует искаженные представления о собственном Я. Избежать «ложной ясности» можно, создавая так называемые минимально обязательные ожидания, которые предотвращают неоднозначное восприятие действи-

тельно и позволяют человеку принять неясную информацию, а не избегать ее [6].

В российской психологии наибольшую ясность в понимание толерантности к неопределенности вносит концепция функционально-уровневой регуляции интеллектуальных решений Т. В. Корниловой. Толерантность к неопределенности, как отмечает Т. В. Корнилова, связана «не только с ситуациями принятия решений, но и более общими проблемами индивидуально-личностной регуляции решений и действий в условиях неопределенности, с присущими человеку способами разрешения ситуаций неопределенности, стремлением к ним или их избеганием» [3, с. 38]. Далее Т. В. Корнилова дает характеристику толерантности к неопределенности как «интеллектуально-личностного свойства, означающего принятие человеком неопределенности, новизны или противоречивости условий своих действий и решений» [3, с. 38]. Это качество, характеризующее устойчивость человека к условиям неопределенности, изменчивости, противоречивости информации, проявляется в том, как именно субъектом выстраивается объективная неопределенность (речь идет об активности субъекта), как субъект различает то, что относится к субъективной, а что – к объективной неопределенности (условия различения неопределенности), как субъект движется в условиях неопределенности в соответствии с принадлежащей ему системой ценностей и оценкой последствия своего движения (готовность действовать в условиях неопределенности). В итоге Т. В. Корнилова формулирует определение толерантности к неопределенности «как отражение генерализованного личностного свойства, означающего стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений» [4], а интолерантность «как непринятие неопределенности, стремление к ясности в суждениях, решениях и действиях, предположение о главенствующей роли правил и принципов,

дихотомическое разделение правильных и неправильных способов, мнений и ценностей» [4]. Концепция Т. В. Корниловой доказывает «единство функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека и динамическую целостность психологической регуляции его выборов и решений, реализуемую включением в динамические регулятивные системы как интеллектуальных, так и личностных составляющих» [2, с. 67], где в качестве основного модератора взаимодействия интеллектуальных и личностных составляющих выступают процессы принятия неопределенности.

Концепция Т. В. Корниловой подводит нас к мысли о том, что толерантность к неопределенности, являющаяся характеристикой в психологической регуляции выбора, может быть тем или иным образом связана с эмоциональной направленностью личности, представляющей собой врожденную и прижизненно развивающуюся потребность человека в эмоциональном насыщении, развертывающуюся только внутри и в связи с деятельностью и проявляющуюся «в ориентации личности на определенное качество отношений-переживаний» [1, с. 21]. Учитывая, что толерантность и интолерантность к неопределенности, по мнению Т. В. Корниловой, «отражают разное отношение человека к условиям неопределенности» [5, с. 22], то есть в своей структуре имеют «отношенческий» аспект, который изначально связан с определенного рода переживаниями, мы полагаем, что то, как человек принимает или не принимает неопределенность, может зависеть от его общей эмоциональной направленности личности, то есть направленности на эмоции разного типа.

При этом следует отметить, что в зарубежной литературе проведено достаточно исследований, которые посвящены взаимосвязи неопределенности и эмоциональной сферы личности (эмоций, аффекта), где в большей степени выявляются особенности ситуации неопределенности (ее вероятность, сложность, неоднозначность), стимулирующие лю-

дей реагировать на ситуацию тем или иным способом.

Так, «модальная модель» эмоций («Modal Model») [8] объясняет процесс порождения эмоций характеристиками ситуации и имеющегося у человека опыта. Если контекстные особенности воспринимаемой ситуации изменяются, то может поменяться и эмоциональная реакция человека на эту ситуацию, особенно если это повторяющаяся ситуация.

С точки зрения теории оценки эмоций («Appraisal theories of emotion») [16], эмоции тесно связаны с оценкой важных для выживания и благополучия организма характеристик внешней среды, к которой приспосабливается человек, что, в свою очередь, и определяет их зависимость от определенности или неопределенности ситуации. Как адаптивные процессы эмоции в большей степени зависят от воспринимаемой неопределенности, чем от определенности. При этом разные промежуточные оценки, разный опыт оценивания у двух людей может вызывать разные эмоции.

Модель оценочного пространства («The evaluative space model») [10] демонстрирует зависимость физиологических реакций, вытекающих из аффективных, в ситуации неопределенности. Согласно данной модели аффект становится индикатором быстрого принятия решений в неопределенных ситуациях, когда осознанное решение неэффективно и может спровоцировать неблагоприятные для человека последствия.

В классических исследованиях [11; 15] мы наблюдаем, как аффективная сторона личности может изменить восприятие вероятности или риска неопределенных событий: при принятии решения в неоднозначных условиях человек ориентируется на имеющиеся в его опыте чувства, содержащие информацию о риске.

Особый интерес в рамках нашего исследования представляет работа коллектива североамериканских ученых «The Relationship Between Uncertainty and Affect» (Э. К. Андерсон, П. К. Дж. Хан, Р. Н. Карлтон, М. Ди-

фенбах.), в которой авторы предприняли попытку осознания взаимовлияния неопределенности и аффекта (понимается исследователями как «сознательное последовательное переживание, состояние, которое полностью проявляется в сознании человека» [7]) и особенностей стратегий преодоления неопределенности. Исследователи доказали, что способность моделировать различные результаты может быть ключевым звеном между неопределенностью и аффектом. По мнению авторов, самостоятельные действия человека или сторонняя помощь могут способствовать регулировать эмоциональные переживания перед лицом неопределенности. Учитывая тот факт, что люди имеют склонность имитировать, прежде всего, негативные результаты, которые имеют тенденцию вызывать негативные эмоции, человек должен овладевать стратегиями регулирования эмоций, основанными на управлении мысленным моделированием возможных будущих результатов. Зная, что такие важные модераторы принятия неопределенности как ситуационный контекст, а также индивидуальные личностные особенности являются предикторами негативных реакций, у человека может формироваться совершенно новый опыт взаимодействия с ситуациями сложности, двусмысленности и неоднозначности [7; 11; 15].

Приведенные выше результаты исследований по большей части показывают, как неопределенность вызывает аффективные чувства, однако, как мы полагаем, возможна и обратная причинно-следственная связь. Таким образом, мы подходим к ключевой для нашего исследования мысли, что если принятие неопределенности связано с такими психологическими явлениями, как субъективное восприятие недостаточности информации, личным опытом, установками и суждениями, набором аффективных и поведенческих реакций, то и эмоциональные переживания, ориентация личности на определенное качество отношений-переживаний могут стать предикторами толерантности к неопределенности.

Возвращаясь к отношениям-переживаниям, которые Б. И. Додоновым названы

«эмоциональной направленностью личности», являющейся частью общей направленности личности, стоит подчеркнуть, что эмоциональная направленность личности представляет собой «психологизированную» физиологическую (органическую) потребность в эмоциональном насыщении, которая формируется как свойство личности (не организма) и в процессе жизни приобретает индивидуальные черты [1]. Такая измененная потребность отличается от первоначальной потребности в эмоциональном насыщении желанием удовлетворить конкретный «набор» эмоций путем «воссоздания соответствующей эмоциогенной ситуации» [1, с. 97]. Ориентируясь на связанные с такой потребностью зрительные, слуховые и другие представления, у личности закрепляются специальные способы или формы удовлетворения ее потребности в эмоциональном насыщении <...> в качестве таких специальных форм выступают интересы, мечты, некоторые воспоминания человека» [1, с. 97].

Для нашего исследования важной является мысль Б. Г. Додонова о том, что «специализированное эмоциональное насыщение через интересы, мечты и воспоминания всегда дополняется непроизвольным насыщением в процессе разных событий жизни и определенным образом взаимодействует с ним» [1, с. 97]. И вот именно разные события жизни, с которыми личность взаимодействует, как раз и могут представлять неопределенность. Ориентируясь на поставленные перед собой цели и условия, человек переживает разные эмоции, но только те из них, которые регулярно повторяются и вызывают положительную реакцию в процессе достижения цели, и становятся ценными эмоциями, превращаясь в качество личности в виде ее эмоциональной направленности. В итоге эмоциональная направленность личности начинает оказывать обратное влияние на последующий выбор человеком новых целей.

Для изучения эмоциональной направленности личности как предиктора принятия неопределенности в качестве испытуемых была выбрана категория студентов, для которых,

по нашему мнению, процесс выбора актуален и неокончателен. Исследование было проведено на базе ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». Участниками стали 128 студентов 1-2 курсов педагогических направлений подготовки бакалавриата. Выбор в качестве испытуемых студентов именно младших курсов был обусловлен тем, что данные юноши и девушки, несмотря на уже состоявшийся выбор вуза и будущей профессии, все еще находятся в процессе профессионального самоопределения, а весь процесс получения профессионального образования – это и есть тот выбор как вид деятельности, о котором нами было заявлено в начале статьи. В качестве эмпирических методов было применено тестирование обучающихся по «Методике эмоциональной направленности личности» (автор – Б. И. Додонов) и «Новому опроснику толерантности к неопределенности» (автор – Т. В. Корнилова).

«Методика эмоциональной направленности личности» Б. Г. Додонова позволяет установить, какие из 10 типов данного вида направленности личности представлены у каждого из испытуемых. Более того, с ее помощью можно построить «профиль» ЭНЛ для выявления всей композиции ее видов.

«Новый опросник толерантности к неопределенности» Т. В. Корниловой предназначен для определения того, насколько человек готов принять / не принять неопределенность, изменяться, решать новые сложные задачи, выходя из зоны комфорта.

Для выявления зависимостей между видами эмоциональной направленности личности и вариантами принятия неопределенности (толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности и межличностная интолерантность к неопределенности) мы применили корреляционный анализ (таблица 1).

Корреляционный анализ позволил нам выявить, какие именно виды эмоциональной направленности личности взаимообуславливают принятие/непринятие неопределенности. Особое место среди полученных результатов занимает связь эстетической ЭНЛ

и принятие неопределенности. Данный вид ЭНЛ положительно коррелирует со всеми вариантами принятия неопределенности, что можно объяснить весьма противоречивым толкованием его содержания. Согласно Б. Г. Додонову [1], эстетическая направленность личности связана с эстетическими эмоциями, природа которых неясна и сложна в силу многогранности проявления через разные чувства – радость, гнев, тоску, отвращение, страдание, горе и т. д. В целом эстетическая ЭНЛ, по мнению Б. Г. Додонова, представлена «каждой красотой, наслаждением красотой чего-либо или кого-либо, чувством изящного, грациозного, чувством возвышенного или величественного, наслаждением звуками, чувством волнующего драматизма, чувством светлой грусти и задумчивости, поэтически-созерцательным состоянием, чувством душевной мягкости, растроганности, чувством родного, милого, близкого, сладостью воспоминаний о давнем, горьковато-приятным чувством одиночества» [1, с. 61]. Даже из этого перечня видно, насколько отношения-переживания, включенные в эстетическую ЭНЛ, неоднородны, потому, вероятно, положительная корреляционная связь проявляется со всеми вариантами принятия неопределенности.

Рассматривая детальнее выявленные корреляции, мы выявили положительную корреляционную связь между пугнической, романтической и эстетической ЭНЛ и толерантностью к неопределенности. Данный факт говорит о том, что чем интенсивнее у человека переживания, возникающие на основе потребности в преодолении опасности, в борьбе, чем больше желание попасть в экстремальные ситуации и получать от этого удовольствие, чем мобильнее он в принятии собственных решений и в своих действиях (пугническая ЭНЛ), чем ярче его желание постичь необычное, таинственное и жить в ожидании «светлого чуда» (романтическая ЭНЛ), чем сильнее у него развиты жажда красоты, наслаждение звуками, чувство изящного, грациозного, возвышенного или величественного (эстетическая ЭНЛ), тем выше у него принятие неопределенности в виде го-

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа между видами эмоциональной направленности личности и вариантами принятия неопределенности

Виды эмоциональной направленности личности	Толерантность к неопределенности		Интолерантность к неопределенности		Межличностная интолерантность к неопределенности	
	r	P	r	p	r	p
Коммуникативная	0,009	0,919	0,138	0,121	0,274**	0,002
Глорическая	0,122	0,169	0,236**	0,007	0,134	0,131
Практическая	-0,054	0,546	0,299**	0,001	0,097	0,274
Путническая	0,319**	0,000	-0,011	0,901	-0,075	0,402
Романтическая	0,336**	0,000	-0,022	0,804	0,055	0,534
Гностическая	0,073	0,411	0,333**	0,000	0,134	0,132
Эстетическая	0,280**	0,001	0,176*	0,047	0,283**	0,001
Гедонистическая	0,140	0,115	0,004	0,964	0,190*	0,031
Акquisитивная	-0,015	0,865	0,077	0,385	0,213*	0,016
Альтруистическая	-0,126	0,158	0,349**	0,000	0,208*	0,018

Примечание:

** – корреляция значима на уровне 0,01

* – корреляция значима на уровне 0,05

товности идти по сложному и незнакомому жизненному маршруту, решать принципиально новые задачи и выходить за пределы установленных ограничений, и наоборот.

Положительная корреляционная связь между глорической, гностической, практической, эстетической и альтруистической ЭНЛ и интолерантностью к неопределенности показывает, что высокие значения данных видов ЭНЛ являются предикторами неприятия неопределенности. То есть, чем глубже у человека переживания, вызываемые потребностью покровительствовать и помогать другим людям, беспокоиться за них, заботиться (альтруистическая ЭНЛ), чем сильнее переживание от потребности в самоутверждении, славе, всеобщем восхищении, чувстве превосходства над другими (глорическая ЭНЛ), чем значимее в понимании происходящего лирические чувства (эстетическая ЭНЛ), чем полнее положительные эмоции в процессе деятельности и желание добиться успеха в работе (практическая ЭНЛ), чем выше интеллектуальные чувства, связанные потребностью в «когнитивной гармонии» (гностическая ЭНЛ), тем сильнее «стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, предположение о главенствующей роли правил и прин-

ципов, дихотомическое разделение правильных и неправильных способов, мнений и ценностей» [4], и наоборот.

Положительная корреляционная связь выявлена между коммуникативной, эстетической, гедонистической, акquisитивной и альтруистической ЭНЛ и межличностной толерантностью к неопределенности. То есть, чем больше у человека потребность в реакциях на удовлетворение или неудовлетворение стремления к эмоциональной близости, желания общаться, делиться мыслями и переживаниями (коммуникативная ЭНЛ), чем значимее чувство волнующего драматизма, светлой грусти и задумчивости, поэтически-созерцательного состояния (эстетическая ЭНЛ), чем больше преобладающих эмоций, связанных с удовлетворением потребности в телесном и душевном комфорте (гедонистическая ЭНЛ), чем доминантнее положительные эмоции при накоплении, коллекционировании вещей, «выходящих за пределы практической нужды в них» [1, с. 62], и чем сильнее чувство сопереживания удачи и радости другого, нежности или умиления, чувство преданности, участия, жалости (альтруистическая ЭНЛ), тем выше дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими.

Итак, проведенное исследование показало, что разные виды эмоциональной направленности личности обуславливают принятие или непринятие неопределенности, что означает необходимость учета содержательных характеристик отношений-переживаний человека при включении его в ситуации выбора. Понимая, что выбор есть деятельность и у каждого субъекта в деятельности удовлетворяются значимые для него потребности, можно прогнозировать формы поведения в условиях неопределенности. Ситуация неопределенности может задавать смещение или изменение целей, если у человека не будет возможности удовлетворить социологизированную потребность в эмоциональном насыщении. Неоднозначность, сложность и двусмысленность ситуации, с которой человек сталкивается, исключает эмоциональные ориентиры личности, что может вызвать диссонанс в восприятии действительности и самого себя. Как способность регулировать эмоциональные реакции все чаще признается в качестве существенного условия психологического здоровья личности [11], так и знание собственного профиля эмоциональной направленности личности и использование для достижения личных целей могут сыграть ведущую роль в формировании способности воспринимать неопределенность, однако это требует дальнейших исследований.

Целью данной статьи был краткий обзор результатов психологического изучения эмоциональных предикторов принятия неопределенности. Результат данного обзора показал, что в проблематике принятия неопределенности зарубежными и российскими исследователями немаловажное место занимает изучение ее связи с эмоциональной стороной личности. При этом многие исследования сводятся преимущественно по выявлению влияния неопределенности на аффективную сторону личности и разработке механизмов и стратегий совладания с негативными эмоциональными эффектами ситуаций неоднозначности и когнитивной сложности. Большая часть наработок говорит о негативном влиянии неопределенности на эмоциональ-

ную сферу личности в виде принятия неоптимальных решений, отрицательных эмоций, ухудшения самочувствия и психопатий. Мы полагаем, что принятие неопределенности не только вызывает определенные эмоции, но и эмоциональные процессы определяют тот или иной вариант принятия неопределенности.

Результаты проведенного эмпирического исследования показывают, что эмоциональная направленность личности как свойство личности, аккумулирующее ценности и переживания, действительно является предиктором принятия неопределенности. То есть совокупность ценных для человека переживаний создает предпосылки для вектора реагирования на изменения, которые возникают в процессе выбора, в ситуации неоднозначности и двусмысленности. Понимая профиль эмоциональной направленности личности, которая, как и общая направленность личности, программирует профессиональный выбор, можно прогнозировать варианты развития жизненного пути человека, его профессиональные предпочтения и траекторию развития личностного потенциала.

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор современных психологических подходов к пониманию принятия неопределенности и ее эмоциональных предикторов, а также представлены результаты эмпирического исследования. В качестве основного конструкта выделена «толерантность/интолерантность к неопределенности», представленная в большинстве современных исследований как фактор, предопределяющий аффективные реакции человека в ситуациях неоднозначности, двусмысленности и сложности. Представляется значимым изучение влияния потребности в эмоциональном насыщении на принятие неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность, принятие неопределенности, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, эмоции, эмоциональная направленность личности.

SUMMARY

The article presents a theoretical analysis of modern psychological approaches to understand-

ding the acceptance of uncertainty and its emotional predictors as well as the results of empirical research. As the main construct, «tolerance / intolerance to uncertainty» is highlighted, presented in most modern studies as a factor that predetermines a person's affective reactions in situations of ambiguity, ambiguity and complexity. It seems significant to study the influence of the need for emotional saturation on the acceptance of uncertainty.

Key words: uncertainty, acceptance of uncertainty, tolerance to uncertainty, intolerance to uncertainty, emotions, emotional orientation of the personality.

ЛИТЕРАТУРА

1. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.
2. Корнилова Т. В. Динамическое функционирование интеллектуально-личностного потенциала человека в психологической регуляции решений и выборов // Вестник Московского университета. – 2011. – № 1. – С. 66–78.
3. Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 344 с.
4. Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 1. – С. 74–86.
5. Корнилова Т. В. Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 19–36.
6. Abbey E. The Blind Leading the Seeing: A Path to Self-Reflexivity // Culture Psychology. – 2004. – Vol. 10. – № 4. – P. 409–415.
7. Anderson E. C., Carleton R. N., Diefenbach Mi., Han P. K. J. The Relationship Between Uncertainty and Affect [Electronic resource] // Frontiers in Psychology. – 2019. – Vol. 10. November – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.02504/full>.
8. Barrett L. F., Ochsner K. N., and Gross J. J. On the Automaticity of Emotion // Social Psychology and the Unconscious: The Automaticity of Higher Mental Processes. – New York: Psychology Press, 2007. – Vol. 58. – P. 173–217.
9. Budner S. Intolerance for ambiguity as a personal variable // Journal of Personality. – 1962. – Vol. 30. – P. 29–50.
10. Cacioppo J. T., Berntson G. G., Norris C. J., Gollan J. K. The evaluative space model // Handbook of Theories of Social Psychology. – Vol. 1. – P. 50–72.
11. DeSteno D., Gross J. J., and Kubzansky L. Affective Science and Health: The Importance of Emotion and Emotion Regulation // Health Psychol. – 2013. – Vol. 32. – No. 5. – P. 474–486.
12. Frenkel-Brunswick E. Tolerance Towards Ambiguity as a Personality Variable // The American Psychologist. – 1948. – № 3. – P. 268.
13. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of Ambiguity as an Emotional and Perceptual Personality Variable // Journal of Personality, 1949. – Vol. 11. – № 1. – P. 108–143.
14. Hofstede G. Culture's Consequences. USA: Sage, 1980. – 328 p.
15. Johnson E. J., Tversky A. Affect, Generalization, and the Perception of Risk // Journal of Personality and Social Psychology. – July, 1983. – Vol. 45(1). – P. 20–31.
16. Moors, A., Frijda N. H., Ellsworth P. C., Scherer K. R.. Appraisal Theories of Emotion: State of the Art and Future Development // Emotion Review. – April, 2013. – Vol. 5. – No. 2. – P. 119–124.

